

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Мо Янь

ПЕРЕМЕНЫ

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(5Кит)
М 74

Mo Yan
CHANGE

Copyright © Seagull Books, 2010
Published by arrangement with Seagull Books. All rights reserved.

Перевод с китайского *Н. Власовой*
Художественное оформление *А. Старикова*
Фото *Naveen Kishore*

Мо Янь
М 74 Перемены / Мо Янь ; [пер. с кит. Н. Власовой]. — М. : Эксмо, 2014. — 144 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-70036-3

Мо Янь — один из самых известных современных китайских писателей, лауреат Нобелевской премии по литературе 2012 года за «галлюцинаторный реализм, который объединяет народные сказки с историей и современностью». «Перемены» — история «маленького человека», чья жизнь меняется вместе с жизнью страны. Неторопливое, чрезвычайно образное повествование ведет нас от одного события к другому. Автор делится с нами своими размышлениями и наблюдениями, не упуская ни единой детали. И эти детали дают гораздо более полное представление о жизни Китая и китайцев, чем самые толстые учебники истории.

УДК 82(1-87)
ББК 84(5Кит)

ISBN 978-5-699-70036-3

© Власова Н., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

(1)

Вообще-то, я должен был описывать то, что происходило после 1979 года, но мои мысли постоянно прорывались через этот рубеж, перенося меня в солнечный осенний день 1969-го, когда цвели золотистые хризантемы, а дикие гуси летели на юг.

В этот момент я уже неотделим от собственных воспоминаний. В моей памяти — тогдашний «я», одинокий, выгнанный из школы мальчик, которого привлекли громкие крики и который боязливо пробрался через неохранный главный вход, преодолел длинный темный коридор и прошел в самое сердце школы — во двор, окруженный со всех сторон зданиями. Слева во дворе высился дубовый шест, на его верхушке проволокой закрепили поперечную балку, с которой

свисал железный колокол, пятнистый от ржавчины. Справа стоял простой стол для настольного тенниса из бетона и кирпичей, вокруг которого собралась целая толпа поглазеть на матч между двумя игроками, отсюда и крики. Это самый разгар осенних каникул, так что большая часть собравшихся вокруг стола — преподаватели, помимо них присутствовали еще несколько симпатичных школьников — гордость школы, члены школьной команды по настольному теннису. Они собирались участвовать в уездных соревнованиях в честь годовщины образования КНР¹, а потому не отдыхали на каникулах, а тренировались в школе. Все они были дочерьми кадровых работников местного колхоза, и с первого взгляда было видно, как разительно они отличаются от нас, деревенской бедноты, поскольку они нормально питались и росли, у них была белая кожа, они ни в чем не нуждались

¹ Государственный праздник, отмечается 1 октября.

и одевались в яркие платья. Мы смотрели на них снизу вверх, но эти девочки нас не замечали, глядя прямо перед собой. Одним из игроков оказался учитель Лю Тяньгуан, который раньше преподавал у меня математику: низенький человек с удивительно большим ртом. Поговаривали, что он может засунуть себе в рот кулак, но при нас он ни разу подобное не проделывал. В моей памяти часто всплывает картинка — учитель Лю зевает, стоя на кафедре, его разинутая пасть выглядит внушительно. Лю прозвали «бегемотом», но среди нас никто не видал бегемотов, зато по-китайски «жаба» и «бегемот» звучат очень похоже, и у жабы тоже огромный рот, так что «бегемот Лю» естественным образом превратилось в прозвище «жаба Лю». Это не я придумал, хотя после проверок и расспросов почему-то решили, что я. Жаба Лю был сыном героя, павшего в революционной борьбе, да и сам занимал пост заместителя председателя школьного революционного комитета, а потому давать ему обидные прозвища, разумеется, ужасное

преступление, за которое меня неизбежно исключили из школы и выставили за дверь.

Я с детства ни на что не гожусь, вечно мне не везет, я мастер испортить все хорошие начинания. Зачастую, когда я пытался подлизаться к кому-то из учителей, они ошибочно полагали, что я хочу навлечь на них неприятности. Мать неоднократно со вздохом говорила: «Сынок, ты как та сова, что пытается принести добрые вести, да репутация уже испорчена!» И правда, обо мне никто не мог подумать ничего хорошего, но если речь шла о дурных поступках, то их непременно приписывали именно мне. Многие считали, что я малолетний бандит, идеология у меня хромает, и вообще, я ненавижу школу и учителей. Но это неправда на сто процентов. На самом деле я искренне любил школу, а к большеротому учителю Лю и вовсе питал особые чувства, а все потому, что был таким же большеротым, как и он. Я написал повесть, которая называется «Большой рот», так вот главный

герой списан с меня самого. На самом деле мы с большеротым учителем Лю — товарищи по несчастью. Нам бы стоило сочувствовать друг другу, иначе говоря, поддерживать себе подобного. Если бы я и стал придумывать кому-то прозвища, так уж точно не ему. Это ясно как день, но не для учителя Лю. Он схватил меня за волосы и, притащив в свой кабинет, пнул так, что я упал на пол, и сказал:

— Знаешь, как это называется? Ворона смеется над черной свиньей! Напрудика лужу мочи да посмотри на отражение своего «миленького» ротика!

Я пытался объяснить учителю Лю, но он меня не слушал. Вот так хорошего паренька, Большеротого Мо, который всегда относился к Большеротому Лю с симпатией, исключили из школы. Мое ничтожество проявилось вот в чем: несмотря на то что учитель Лю объявил о моем исключении перед всеми преподавателями и учениками, я по-прежнему любил школу и каждый день, неся за спиной прохудившийся ранец,

искал возможность проникнуть тайком на ее территорию...

Сначала учитель Лю лично требовал, чтобы я убрался, но я не уходил, и тогда он выволакивал меня за ухо или за волосы, но не успевал даже вернуться к себе в кабинет, как я уже тайком пробирался внутрь. Потом он стал отправлять нескольких высоких крепких ребят прогнать меня, но я все равно не уходил, и тогда они хватали меня за руки и за ноги, выносили за ворота и выкидывали на улицу. Но еще раньше, чем они возвращались в класс и усаживались за парты, я опять оказывался на школьном дворе. Я забивался в угол, изо всех сил съеживался, чтобы не привлекать к себе внимания окружающих, но вызвать у них сочувствие, и торчал во дворе, слушая, как школьники весело болтают и хохочут, глядя, как они бегают вприпрыжку. Но больше всего мне нравилось наблюдать за игрой в настольный теннис, причем увлекался я настолько, что на глаза часто наворачивались слезы, и я кусал

кулак... А потом всем уже просто надоело меня прогонять.

В тот осенний день сорок лет назад я тоже жался к стене, глядя, как Жабa Лю, размахивая самодельной ракеткой, размером больше обычной, а по форме напоминающей саперную лопатку, сражается с моей бывшей одноклассницей и соседкой по парте Лу Вэньли. На самом деле Лу Вэньли тоже большеротая, но ей большой рот идет и не кажется таким огромным, как у нас с учителем Лю. Даже тогда, во времена, когда крупный рот не являлся признаком красоты, она считалась почти что самой красивой девочкой в школе. Тем более ее отец работал в совхозе водителем, ездил на советском «ГАЗ-51», скоростном и внушительном. В те годы профессия водителя считалась очень почетной. Как-то раз классный руководитель задал нам написать сочинение на тему «Моя мечта», так половина мальчишек из класса написали, что хотят стать водителями. А Хэ Чжиу, самый рослый и крепкий парень в нашем классе, с прыщами по всему

лицу и усиками над верхней губой, который вполне сошел бы за двадцатипятилетнего, написал просто: «У меня нет никаких других желаний. Мечтаю лишь об одном. Хочу быть папой Лу Вэньли».

Учитель Чжан любил на уроке зачитывать лучшие и худшие, на его взгляд, сочинения. Он не называл имен авторов, а просил нас угадать. В те времена в селе поднимали на смех всех, кто говорил на путунхуа, даже школа не была исключением. Учитель Чжан — единственный в школе преподаватель, кто осмелился вести занятия на путунхуа. Он окончил педагогическое училище и едва перешагнул двадцатилетний рубеж. У него было худое вытянутое бледное лицо и волосы на косой пробор, а носил он застиранную синюю габардиновую гимнастерку, на воротнике которой красовались две скрепки, а на рукавах — темно-синие нарукавники. Наверняка он носил и какие-то другие цвета и фасоны, не мог же он ходить круглый год в одной и той же одежде, но в моей памяти его образ

неразрывно связан с этим нарядом. Я всегда сначала вспоминаю нарукавники и скрепки на воротнике, затем саму гимнастерку и только потом его черты, голос и выражение лица. Если нарушить порядок, то наружность учителя Чжана мне не вспомнить ни за что на свете. Тогдашнего учителя Чжана, говоря на языке 80-х, можно было назвать «симпатягой», на сленге 90-х — «улетным», а сейчас про таких ведь говорят просто «красавчик»?

Возможно, нынче есть и более модные и популярные словечки, какими можно описать привлекательного молодого человека, я проконсультируюсь с соседской дочкой и тогда узнаю. Хэ Чжиу на вид казался куда старше преподавателя Чжана, ну, в отцы не годился — слишком громко сказано, но если назвать его дядей учителя Чжана, никто бы не усомнился. Помню, как преподаватель Чжан зачитывал сочинение Хэ Чжиу язвительным тоном, с нарочитым пафосом: «У меня нет никаких других желаний. Мечтаю лишь об одном. Хочу быть папой Лу Вэньли».

На мгновение воцарилась тишина, а потом класс разразился дружным хохотом. В сочинении Хэ Чжиу всего три предложения. Учитель Чжан, взяв тетрадку за угол, трясет ею, словно хочет вытряхнуть изнутри шпаргалки...

— Гениально, просто гениально! — приговаривает учитель Чжан. — Догадайтесь, чье это талантливое сочинение?

Никто не знал, мы вертели головами и оборачивались во все стороны, выискивая глазами, кто же этот «гениальный» автор. Вскоре все взгляды были устремлены на Хэ Чжиу, он был самым рослым и самым сильным и любил обижать соседей по парте, потому учитель Чжан посадил его за последнюю парту в одиночестве. Под взглядами одноклассников он вроде бы покраснел, но едва заметно. Лицо приобрело чуть смущенное выражение, но опять же не то чтобы сильно. Он даже слегка возгордился, поскольку на лице появилась глуповатая, противная и хитрая улыбочка. У него довольно короткая верхняя губа, а потому при улыбке